

**КРЫЛАТАЯ
НЕВЕСТА
МАХДИ**

Повесть

— Давай-давай-давай!

— На раз-два-три. Раз-два-три. Опа!.. Еще разок. Опа!..

— Да ты газуй! Ты че не газуешь?

— Камень убери-ка. Вон, под колесом.

— Еще раз, давайте!

— Алға!!!*

Автобус кряхтел, рычал, но заводиться не хотел.

— Перекур! — крикнул водитель Алтай, выползая из кабины, как насекомое: медленно, цепляясь длинными руками и ногами за дверной проем.

Все попадали на обочину, некоторые закурили.

— Никогда раньше автобус не толкал, — тяжело дыша, сказал Игорь. Мокрая от пота рубашка быстро остыла и теперь неприятно холодила кожу.

— Это еще ничего! — захохотал седой Еркебулан, отчего дым у него пошел носом, как у дракона. — Вот я как-то по молодости в России электропоезд толкал. Да, реально поезд. Не, не один, конечно. Все толкали. Там обрыв линии был, а мы домой хотели. Вот и толкали, пока электричество не появилось.

— Главное, засветло успеть, — сказал Алтай, потягиваясь. — А то мне рано утром обратно ехать.

* Вперед!!! — *Здесь и далее перевод с казахского.*

— Ниче, щас покурим, поссым и так толкнем, что не поедешь — взлетишь! — засмеялся Валера, блеснув золотыми зубами, и бросил окурок в песок.

— Нам далеко еще? — спросил Игорь.

— Километров двадцать, не больше, — отозвался Алтай.

— Далечно, — вздохнул Игорь.

Начало смеркаться, когда автобус наконец завелся. Игорь думал, что через полчаса они уже наверняка доберутся до места, но ошибся. Дорога стала совсем плохой, ухабистой. Собственно, и дорогой это можно было назвать с трудом. Ехали еле-еле, подпрыгивая на кочках, проваливаясь в ямы.

— Алтай, рули аккуратней! — крикнул Валера. — Я уже всю задницу отбил.

— Не нравится, иди пешком, — огрызнулся Алтай, не оборачиваясь.

Игорь подсел к Еркебулану.

— Что, всегда автобус такой пустой?

— Сегодня же понедельник, — ответил Еркебулан. — В выходные здесь люди стоя ездят. Места себе не найдешь.

— Почему?

— Так базар ведь. Одни торговать в город едут, другие, наоборот, за покупками.

Из-за горизонта медленно выползала любопытная желтая луна. Валера растянулся на заднем сиденье и вовсю храпел. Алтай включил радио, очень тихо, так, что слов было не разобрать, и от этого бормотания в сон клонило еще сильнее. Игорь поболтал с Еркебуланом, а потом снова пересел. Пытался всматриваться в окно,

но видел только себя. Автобус урчал и раскачивался, урчал и раскачивался, и Игорю казалось, что его проглотило какое-то чудовище и теперь несет неведомо куда в своем животе. Но это было не страшно, а почему-то даже приятно. Хотелось свернуться клубочком, провалиться в полудрему и никогда из этого живота не выбираться. И Игорь закрыл глаза.

— Эй, Игорек, приехали! — Еркебулан тряс его за плечо. — Ояншы!*

Игорь с трудом разлепил глаза, оглянулся, вспоминая, где это он.

— Который час?

— Ночь уже, одиннадцать-двенадцать, не знаю, — сказал Еркебулан. — Давай, выдвигаться надо.

Алтай махнул им на прощанье рукой.

— А где Валера? — спросил Игорь.

— Уже дома, наверное, — улыбнулся Еркебулан. — Я тебя долго разбудить не мог. У нас аул маленький, еще увидишься с ним.

Они шли по широкой грунтовой дороге, заросшей по краям высокой травой. Вдоль дороги тянулись деревянные заборы, а за ними стояли одноэтажные домики с покатыми крышами.

— Я думал, что здесь юрты будут, — удивился Игорь.

— А вместо машин — верблюды, — Еркебулан засмеялся и хлопнул Игоря по плечу. — Поворачивай, пришли уже. Вон он, мой дом.

Повозившись с замком, Еркебулан открыл калитку и зашел первым. Гулко взвыла собака, громыхнув цепью.

* Просыпайся!

— Тише, Актос! — шикнул Еркебулан. — Все, болды, болды*.

Скрипнула дверь, на порог дома вышла женщина, укутанная в шаль.

— Ерке, это ты? — настороженно спросила она.

— Я, — отозвался Еркебулан, подходя ближе. — У нас гость, Бану. Приятель Аскара из города.

— Здравствуйте, — сказал Игорь. — Я Игорь. Извините, что так поздно.

— Ой, Ерке, раньше не мог сказать? — запричитала Бану. — Как мне сейчас гостя встречать? Стол не накрыт, кровать не постелена. Игорь, вы проходите в дом. Я сейчас все покажу.

В доме пахло глиной и молоком. Бану провела их в кухню, включила свет — тусклую лампочку над холодильником — и принялась доставать еду: сыр, вареное мясо, казы, курт**, конфеты...

— Эй-эй-эй, — остановил ее Еркебулан. — Нам же спать еще нужно. Ну куда на ночь наедаться?

— А что ж ты гостя голодным спать положишь? Лучше чайник поставь, чай пить будем.

Игорю было неловко. Он поел совсем немного, сославшись на усталость.

— Чаю хотя бы попейте, — уговаривала Бану. — Давайте я вам горячего подолью.

— Много не пей, — хитро прищурившись, шепнул ему Еркебулан, — а то потом всю ночь на толчок бегать будешь. А толчок у нас далеко.

* ...хватит, достаточно.

** Национальные казахские деликатесы. — *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

После ужина Еркебулан показал ему туалет, тот был хоть и в доме, но в отдельной пристройке — действительно далеко, а потом отвел в комнату, где Бану уже постелила на пол плотные стеганные одеяла, укутанные в цветастую простыню.

— Если корпешки еще понадобятся, сам бери, — сказал Еркебулан и показал на стопку таких же одеял в углу. — Утром тебя разбужу, отведу куда надо.

Игорь лег и только теперь почувствовал, насколько устал. Дом шуршал и поскрипывал, за окном звали друг друга ночные птицы, стрекотали сверчки. В этой шумной тишине Игорь постепенно растворился.

* * *

Проснулся он оттого, что страшно хотел писать. Плотнее укутался в одеяло, попробовал снова уснуть, но понял — деваться некуда. Проклиная себя за то, что не послушался Еркебулана и напился на ночь чая, Игорь встал, натянул брюки и пошел в туалет. Все тело болело, а в носоглотке скопилась какая-то хлопьяющая дрянь. Добравшись до туалета, Игорь помочился, а потом долго кашлял, сморкался и плевался, пока не очнулся ото сна окончательно. Наконец, выключив воду, он вышел. Поежился. Дом за ночь остыл. Из темного угла вылезла заспанная серая кошка, потянулась, зевнула и подошла к Игорю. Подняла хвост, ткнулась носом ему в лодыжку и вопросительно мяукнула. Игорь наклонился погладить ее, но кошка отпрыгнула.

Светало быстро. Игорь вернулся в комнату, оделся полностью, но не согрелся. Подумав, он закутался в одеяло и сел на стопку корпешек.

— А, проснулся! — обрадовался заглянувший Еркебулан. — Молодец. Пошли, завтракать будем. Бану уже стол накрывает.

Стол был уставлен тарелками с закусками. На плите стоял большой казан. Бану шумовкой вылавливала из него крупные поджаристые баурсаки.

— Доброе утро, — поздоровался Игорь.

— Доброе, доброе, — ответила Бану. — Давайте садитесь. Сейчас чай будет.

Еркебулан подошел к жене сзади, приобнял ее и громко чмокнул в щеку.

— Э, Ерке, қойшы!* — оттолкнула его локтем Бану. — Иди детей разбуди.

— Да встали они, — зевнул Еркебулан, присаживаясь за стол рядом с Игорем. — Умоются и придут.

— У вас красивый дом, — обронил Игорь. Он чувствовал себя не совсем в своей тарелке.

— Нормальный дом. Как у всех.

Игорь не знал, что еще сказать.

— Ты чего такой бледный сегодня? — спросил Еркебулан. — Не заболел?

— Не, — помотал головой Игорь.

— Сейчас чаем горячим напоим, и все пройдет, — сказала Бану, продолжая возиться у плиты. — Ерке, где дети?

Игорь через открытую дверь увидел, как по коридору крадутся один за другим двое пацанов — тощих, лысых, с улыбками до ушей. Тот, что шел впереди, поймал взгляд Игоря и прижал палец к губам. Игорь слегка кивнул.

* ...перестань!

— Да придут сейчас, куда они денутся, — буркнул Еркебулан.

В этот момент пацаны заверещали и одним прыжком запрыгнули на спину отца. Еркебулан чуть не упал со стула, но захохотал, вскочил и принялся бегать по коридору. Пацаны держались крепко и визжали от удовольствия.

— Все, обезьяны, слазьте! — тяжело выдохнул Еркебулан, возвращаясь к столу. — Слазьте. Конь устал.

— Еще! Еще! — вопили пацаны.

— Эй, хулиганы, оставьте папу, — с притворной строгостью прикрикнула Бану. — Он нам еще пригодится. Руки мойте — и за стол.

— Мы уже мыли! — возмутился старший.

— Таир, а кто тебе сказал, что папа у нас чистый? Сам помой и Айдарiku помоги. Давайте-ка, живо. И без разговоров.

Пацаны убежали и скоро вернулись, демонстративно выставив перед собой мокрые ладошки.

— Вижу-вижу, — кивнула Бану, разливая чай.

Все затихли, потому что баурсаки оказались волшебными. Оторваться невозможно. Игорь ел и думал, что, наверное, все дело в воздухе. Баурсак ведь внутри пустой, наполненный воздухом. А местный воздух и сравнивать нельзя с копотью и дымом города.

— Просто объеденье, — похвалил Игорь.

После завтрака он вышел во двор, а Еркебулан задержался, чтобы помочь Бану убрать со стола. Дул легкий ветер, покачивая тенями ветвей, и Игорь плотнее запахнул куртку. Наконец, появился Еркебулан и сразу

закурил. Только что шутил с женой, играл с сыновьями, а тут засмурнел, нахмурился.

— Все в порядке? — спросил Игорь.

— Да какой там, — махнул рукой Еркебулан. — Эх... Ладно. Пошли уже.

От каждого шага с дороги приподнималось облачко пыли. Сейчас, при свете солнца, стало видно, что дома, мимо которых они проходили вчера ночью, почти все заброшены. Ворота заросли бурьяном. Вместо окон тут и там зияли черные провалы.

— Разъехались соседи, — сказал Еркебулан. — И правильно. Чего здесь делать? В городе и работа, и школы для детей, университеты. А здесь... Половины аула уже нет. Ты еще хоть дома эти видишь, а приедешь сюда года через два-три — и их не останется.

— Сносить собираются?

— Сносить? Ну можно и так сказать. Разберут их по кирпичику. Окна, видишь, уже выломали. С брошенных домов всегда сначала снимают окна и двери. Они дорогие, а снимаются легко. Потом оставшуюся мебель вынесут, пол разберут. А когда ничего не останется, начнут крышу и стены ломать. Дармовое ведь все, че б не взять.

— Ну не все же уезжают. Многие, наверное, остаются.

— Остаются. Вот Валера с семьей остался. Мулла наш, Кудайберген, остался. Имангалиевы, у которых пацаненок твой, они тоже остались. Семей сорок всего, не больше. В основном старики, которые ехать никуда не хотят со своей земли. Я, знаешь, почему вернулся? Из-за родителей. Сам-то я всю жизнь на стройке провел,

в разных городах работал. Потом отец заболел, а мать даже позвонить мне не могла. Здесь ведь телефонов нет.

— Как нет? — удивился Игорь.

— Вот так. Сейчас кое у кого из ребят мобильные появились, так все равно связи нет. Мы тут словно на краю земли. Водопровода нет. Газа нет. До ближайшей почты пятнадцать километров. До больницы еще дальше. Все обещают что-то сделать, много лет уже обещают, а толку? Как у нас говорят, вся щедрость бая — на языке. Одетый в шубу не замечает того, кто от холода трясется. Раньше мы еще старались что-то сами сделать, своими силами, а потом многим стало ясно, что уехать проще, чем здесь что-то изменить. Кто-то уехал, кто-то все еще собирается уезжать, а некоторые просто забухали.

Еркебулан сплюнул и достал сигарету:

— Ну да ладно, я ж не об этом вообще. Короче, о том, что отец мой умер, я узнал только после похорон. Приехал к матери и остался помогать. Потом Бану встретил и решил осесть. У отца небольшое стадо было. Дом я уже сам достраивал. Мать похоронил. Ну а дальше как жить, не знаю. Ребятишек вот растим. Живем как можем... Все, почти пришли.

Они отступили, чтобы пропустить вывернувшийся из-за поворота трактор. Загорелый парень махнул им из кабины рукой.

— Ассалам уалейкум, Еркебулан-ага*!

— Уалейкум ассалам, Нуржан, — крикнул в ответ Еркебулан. — Гостя к вам веду. Дядька твой дома?

* Дядя, старший брат.

— Дома! Куда он денется, — засмеялся парень, с интересом разглядывая Игоря. — Ладно, давайте, агай. Я скоро вернусь.

В калитку вошли без стука. Мохнатая дворняга лежала у конуры и даже подниматься не стала навстречу, только чуть вильнула хвостом. У входной двери на облезлом стуле спал толстый бородатый старик в шортах и расстегнутой рубашке, подставив блестящее коричневое пузо солнцу.

— Эй, Дулат! — крикнул Еркебулан. — К тебе гость пришел. Журналист из города.

Старик приоткрыл один глаз и так глянул на Игоря, словно рентгеном просветил.

— Этот, что ли? — хрипло прокашлял он. — Қазақша сөйлейді ме?*

Игорь понял, что должен что-то сказать.

— Жаман, то есть, э-э-э, жаксы сойлемеймын**, — запинаясь, произнес он. — Бырак кишкене тусындым***.

— Жарайды, годится, — кивнул Дулат и, закрыв глаз, открыл другой.

— В дом нас не пригласишь? — нетерпеливо спросил Еркебулан.

— Проходите, если хотите, — каркнул Дулат, не меняя позы. — Мне и здесь хорошо. Э, Ерке, сигаретой только угости.

— Дулат, тебе ж нельзя!

— Старикам все можно.

* По-казахски говорит?

** Плохо, то есть, э-э-э, хорошо не говорю (*каз., искаж.*).

*** Но немножко понимаю (*каз., искаж.*).

— Да какой ты старик? Мы ж почти ровесники.

— Значит, ты тоже старик, — проворчал Дулат. — Сигарету, говорю, дай.

— Ладно, держи, — неохотно протянул пачку Еркебулан.

— О, рақмет*. Только Розе не говори. Понял?

Дулат затянулся и сразу же шумно надолго закашлялся.

— Он сегодня не в духе, — шепнул Еркебулан Игорю. — Ты особо внимания не обращай. Зайдем?

— Неудобно как-то, — сказал Игорь. — Может, позже заглянем?

— Че вы там шепчетесь, как девочки? — прохрипел Дулат. — Қатты сөйлеші!**

— Дулат, а когда Роза вернется? — спросил Еркебулан.

— Да она к этой алжасқан*** пошла, как ее? Рыжая. Знаешь? Че они там делают, білмеймін****.

— Махмудик с ней ушел?

— И Махмудик, и Дина. Не мне же за ними следить. У меня другие дела есть.

— Ладно, Дулат, мы пока прогуляемся.

— Ага, давай.

Они вышли на дорогу. Солнце пекло уже нещадно, порывами налетал ветер, поднимая мелкую пыль.

* ...спасибо.

** Громко говори!

*** ...выжившей из ума...

**** ...не знаю.

— Подожди, — Игорь схватился за плечо Еркебулана. — Голова закружилась. Сейчас пройдет.

— Ты че-то совсем серый стал, — заметил Еркебулан озабоченно. — Блевать не тянет?

— Есть немного, — признался Игорь.

— Если тянет, то лучше сразу проблеваться. Вон туда, в кусты сходи, а я здесь подожду.

Игорь спрятался за куст и присел на корточки. Его и вправду мутило. На нос уселась муха и тут же снова взлетела и стала носиться кругами, то приближаясь, то отлетая дальше.

— Ладно, — Игорь сунул пальцы в рот.

Его сразу же стошнило густой и липкой кашей. Во рту стало горько. Горло будто обожгли. Обрадованная муха тут же присела на *вырванное*. Игорь плюнул в нее, но не попал.

Он посидел еще немного, пялясь в землю, и почувствовал облегчение. Утершись тыльной стороной ладони, Игорь медленно встал.

— Я слышал, — сказал Еркебулан, когда Игорь подошел. — Там, за поворотом, колонка. Тебе сейчас нужно попить. Идти можешь?

— Конечно, — кивнул Игорь.

— Хоть вода у нас хорошая, — говорил Еркебулан, пока они умывались и пили обжигающую ледяную воду. — В других аулах и с водой проблемы. Пьют не пойми что. Я видел. Мутную, грязную. А у нас подземный источник. Он и реку нашу питает. Как говорится, чем за хана держаться, лучше реки держаться.

Игорь все никак не мог напиться. Все дергал и дергал рычаг колонки, подставляя лицо под сильную струю

воды. Вода пахла листьями, нагретыми на солнце камнями и железом, и Игорю казалось, что, открывая рот, он впускает в себя речку целиком — с каменистыми берегами, извивающимися водорослями и закованными в металлическую чешую рыбами. И эта вода оживляет все внутри него. По берегам реки усаживаются загорелые рыбаки в панамках, в кустах шуршат пугливые косули, на ветвях деревьев плетут гнезда голосистые птицы. И надо всем этим гулко пульсирует красное солнце.

— Агай!

Струя в очередной раз иссякла.

— Агай!

Игорь повернул голову и увидел, что к ним бежит загорелый пацан лет шести-семи.

— Махмудик! — крикнул в ответ Еркебулан.

— Здравствуйте, агай! — Пацан остановился возле них и уперся руками в коленки, переводя дыхание. — Меня мама за вами послала. Она уже дастархан* накрывает. Пойдемте?

* * *

Дулат по-прежнему грелся на солнышке, выставив вперед пузо, но уже сидя во главе длинного стола. Увидев гостей, он хрипло заорал:

— Роза! Роза! Пришли твои қонақтар**!

* ...праздничный стол...

** ...гости.

Из дома выбежала полная женщина в широком цветастом платье и косынке, по-пиратски завязанной на голове, и сразу кинулась к гостям:

— Ерке, салем! Здравствуйте. Ой, руки мокрые. Это я овощи мыла. Вас как зовут? Игорь? Я Роза. Игорь, проходите, пожалуйста. Вы извините, мы просто не ждали гостей. Я-то с утра еще к подружке ушла помочь с шерстью, здесь рядом. Алуа! Алуа, иди сюда, познакомься. А Нуржан — это мой старший племянник — уже поехал барана резать. Он на тракторе, так что скоро вернется.

К ним подошла другая женщина, белолицая, рыжеволосая, зеленоглазая. Улыбнулась, вытирая полотенцем руки.

— Здравствуйте, — сказал Игорь.

Из-за забора послышался приближающийся рокот.

— Вернулся! — воскликнула Роза. — Давайте проходите, садитесь, не стесняйтесь. Алуа, кумыс гостям налей, а я пока мясо поставлю. Махмудик, бегом за Диной.

Во двор вошел Нуржан, с трудом неся в каждой руке по мешку. Из мешков на сухую землю капала кровь.

От кумыса Игорь хотел отказаться, но не смог.

— В такую жару холодный кумыс — то, что нужно, — увещевала его Алуа.

Живот у Игоря вел себя подозрительно тихо, зато горло болело все больше.

— Совсем чуть-чуть, — попросил он.

— Конечно, — улыбнулась Алуа, наливая ему полный стакан. — Всего стаканчик.

На стол накрывали Махмудик и тонкая девушка с длинной плотной косой — его сестра Дина. Выбежали из дома с тарелками и расставляли их по скатерти.

Дина близко к Игорю не подходила, даже глаз на него не поднимала.

— Стесняется, — пояснил Еркебулан. — Возраст такой.

Во двор заглядывали соседи. Игорь знакомился, но уже не успевал запоминать имена, лица. Пришел и Валера, смеялся во все свои золотые зубы и рассказывал об их дорожном приключении. Может быть, от кумыса, а может быть, от навалившегося еще с утра недомогания голова кружилась, и все внутри было натянутым до боли. Игорь даже кивал с опаской, боялся, как бы не лопнули эти внутренние струны.

Наконец к гостям вышла Роза с большим блюдом в руках.

— О, беш! — закричал, оживляясь, Дулат.

На тонких листах теста лежали крупные куски мяса, казы и картá*, усыпанные луковыми кольцами и обложенные цельными вареными картофелинами.

— Куырдак** будет позже, — объявила Роза.

— Э, Ерке, — крикнул Дулат. — Разливай! Бабам и детям не надо.

— Как не надо? — всплеснула руками Роза. — Давай, Ерке, нам по пять капель. Нужно же с гостем выпить.

— Ладно, — сказал Дулат, слегка привстав со своего трона. — Как говорится, қонақ келсе құт келер. Понял, Игорь? Гость приходит — счастье в дом с собой приводит. Давайте, алға.

Все выпили и тут же зашуршали, загремели ложками. Игорю шмякнули в тарелку целый пласт слипшейся

* Колбаса из конской толстой кишки.

** Традиционное казахское жаркое.

тонкой жаймы^{*}, засыпали сверху мясом, кружками казы, луком, налили полную пиалку жирной сорпы^{**}.

— Беш нужно есть руками, — наставлял Игоря Дулат.

— Пусть ест как цивилизованный человек, — ругалась Роза. — Что ты к нему пристаешь?

— Руками ведь вкуснее! — возмутился Дулат.

Игорю со всех сторон что-то подкладывали, подливали, и он совершенно не понимал, как же все это съесть. Его вначале пытались усадить по правую руку от Дулата как почетного гостя, но Игорь заупрямился. Хотелось быть не во главе, а посреди, между людей, чувствовать их тепло, быть погруженным в их голоса. Игоря посадили в центре, рядом с Еркебуланом, но Еркебулан почти не присаживался к столу, а все ходил с бутылкой и разливал, разливал. Солнце уже спустилось совсем низко, спряталось за ветками коротких деревьев, разметав по скатерти и лицам людей паутину теней. В небе над головами гостей закружились тихие быстрые призраки.

— Это что, летучие мыши? — спросил Игорь.

— Мы их называем *жарқанат*, — ответил Еркебулан. — Крылатые невесты.

— Жарқанат... Это же почти жар-птица, — сказал Игорь, задрал голову, и тут же один из призраков спикировал ему прямо на лоб, ударил крыльями по глазам, вцепился в волосы. Игорь закричал от ужаса, вскочил, пытаясь стряхнуть мышь с головы, но там уже никого не было.

* Лапша для бешбармака.

** Мясной бульон.

— Вот и поженили тебя, орыс^{*}! — захохотал сидевший во главе стола Дулат — Не бойся, никуда твоя невеста не денется теперь! Садись давай. Э-э, Еркебулан, налей-ка ему.

Еркебулан дружески хлопнул Игоря по спине. Игорь сел, ни на кого не глядя, чувствуя, как гости посмеиваются над ним, выпил предложенную рюмку. Стало легче. Роза принесла и поставила на стол блюда с куырдаком. От тушеного мяса и картошки поднимался пар. Гости громко переговаривались, смеялись, их голоса сливались в единый равномерный гул — дрожащий, вибрирующий. От горячей еды Игорь нещадно потел, утирался, но продолжал течь. И даже несмотря на это, время от времени его передергивало от холода, идущего изнутри, словно то ли в животе, то ли в груди выросли у него высокие острые горы со снежными вершинами и вечными льдами. От водки и сорпы льды таяли, и холод начинал перемещаться по телу, подмораживая то ладони, то голову, то живот.

Махмудик сидел напротив Игоря и ел понемногу, внимательно наблюдая за гостем.

— Ты мерзнешь? — спросил он.

— К старшим на «вы» нужно обращаться, — сидящая рядом Алуа легонько шлепнула Махмудика по затылку.

— Ничего, — сказал Игорь. — А как ты догадался?

— Я знаю, когда человеку холодно, — пожал плечами Махмудик.

— Ты это по моему лицу увидел?

— Нет, — ответил Махмудик, — не по лицу. По тебе.

* ...русский!

Игорь усмехнулся, но по позвоночнику опять побежал холодок.

— Он и правда знает, — произнесла Алуа. — В дедушку пошел. Не зря к нему вон даже из города люди приезжают. А Утемис-ата многое умел. Мы раньше к нему всем поселком лечиться ходили. До больницы ведь далеко.

— А как он лечил? — спросил Игорь.

— Руками трогал, — подумав, ответила Алуа. — Бил иногда. Говорил. Играл. Его кобыз^{*}, кстати, Махмудику по наследству перешел. Махмудик сам научился играть.

— Нет, — вмешался Махмудик, — это меня ата научил.

— Когда же он тебя научил? — улыбнулась Алуа.

— Он ко мне по ночам приходит, — серьезно сказал Махмудик. — Говорит, что я еще не все умею.

— Махмудик! — позвала Роза с другого конца стола. — В дом сбегай, салфеток принеси. Сбоку от плиты.

Махмудик легко соскочил с табуретки и засверкал пятками.

От выпитой водки язык у Игоря слегка заплетался, но поговорить хотелось.

— Алуа, почему вас Дулат не любит? — тихо спросил он, перегнувшись через стол.

— Да он никого не любит! — улыбнулась Алуа. — А что, рассказывал обо мне что-то?

— Ну, — замаялся Игорь. — Ему, кажется, не понравилось, что Роза к вам сегодня ходила.

* Казахский национальный смычковый инструмент, используемый в религиозно-магических ритуалах баксы — шаманами.

— Он просто вообще терпеть не может, когда Роза уходит. Неважно к кому. Ему нужно, чтобы жена вокруг него крутилась. А у меня Роза гостит часто. Я ведь одна живу, помочь некому, работы много.

— Я буду здесь еще пару дней, — сказал Игорь, осмелевший от застоля. — Могу как-нибудь зайти.

Алуа рассмеялась.

Игорь вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд, чуть повернул голову и встретился глазами с дочкой Дулата, Диной. Она глядела на него по-детски открыто, то ли с укором, то ли с недоверием, а потом вспыхнула, отвернулась и выскочила из-за стола.

Живот внезапно скрутило, да так, что мочи не было терпеть.

— Извините, — пробормотал Игорь.

Туалет стоял на участке, в дальнем конце. Спотыкаясь и покачиваясь, Игорь добрался до него, закрыл за собой дощатую дверь и привалился к стене. На гвоздь, торчащий из косяка, были стопкой наколоты обрывки газеты. В углу стоял похожий на лампу Аладдина кувшин. Игорь присел на корточки, заглянул в кувшин. Вода. Пахнет нормально. Он полил себе на руки, умылся, а потом снял штаны и немного посидел над дыркой в полу. Живот то схватывало, то отпускало, но ничего не выходило. Нужно было сконцентрироваться, собраться с силами, однако сил не хватало.

Вокруг Игоря сонно кружились мухи, он невольно следил за ними взглядом, и скоро ему стало казаться, будто бы он и сам двигается вместе с ними. Вверх-вниз, вверх-вниз, зигзагами, словно рисуя, словно пытаюсь оставить в воздухе свои инициалы. И. Игорь. А может

быть, М. Муха. Игорь. Муха. Игорь. И. М. ИМ. ИМИ. Такая свобода. Ух-х, вниз, аж сосет под ложечкой. Эх-х, вверх, до перегрузки. Глаза вдавливаются в орбиты. И снова вниз. Туда-сюда, вырисовывая кардиограммы, повторяя линии далеких, едва видных отсюда гор и с каждым разом взлетая все выше. Первый круг, второй, и дальше вверх, вверх, по спиралевидной траектории до самого потолка. И сесть. Перевести дух. Перевернуться брюшком кверху и вцепиться лапками в шершавые доски. А кто это приближается по дороге вниз головою? Кто это шатается там между грядок? Кто стучится в дверь? Боже, ну зачем так грохотать? Господи, голова моя, голова...

— Эй, Игорь, ты как там? Все в порядке? — Еркебулан постучал еще раз, настойчивее.

Игорь с трудом открыл глаза.

— Я... сейчас, — пробормотал он.

— Заснул там, что ли? Тебя уже потеряли.

— Все, выхожу, — Игорь кое-как встал и теперь попытался застегнуть штаны. Наконец это у него получилось, и он выбрался наружу, щурясь от вечернего красного солнца.

— Давай-давай, сейчас домой пойдём, — приговаривал Еркебулан, поддерживая Игоря, пока они шли к столу.

Многие уже разошлись. Женщины убрали со стола. Только Дулат все сидел на том же месте и крепко спал, запрокинув голову и время от времени оглушительно всхрапывая.

— Ал-ла! — воскликнула Роза, увидев Игоря. — Ох и напугали вы меня. Спыхватились, а вас и нет.

Туда-сюда. Алуа говорит — в туалет пошел и пропал. Думали, а вдруг провалился и утонул?

— Нет, — слабо улыбнулся Игорь. — Я ведь еще с вами поговорить хотел. И с Махмудиком. Для статьи. Вот и диктофон с собой взял.

— Конечно, конечно, — закивала Роза. — Мы уже с Ерке договорились. Завтра вечером у нас соберемся, посидим, поговорим обо всем. А сейчас вы лучше отдохните, выспитесь.

* * *

Днем улица была пуста, а вечером появились люди. Возле домов на корточках сидели молодые парни и девушки, лузгали семечки, с интересом глядели, как медленно, поддерживая друг друга, по дороге идут Игорь с Еркебуланом. Навстречу им женщины вели бурых и пятнистых коров. Коровы шли покорно, понутив головы, а женщины стегали их прутьями по костлявым ляжкам и что-то недовольно кричали. Одна за другой проехали мимо, поднимая удушливую пыль, две потрепанные иномарки, груженные металлоломом. Проскакал на низкорослой лошадке усатый мужчина, глянул на них свысока.

Наконец показался дом Еркебулана. Они зашли во двор и присели на скамейку под яблонькой.

— Перекурим и зайдем, — решил Еркебулан. — Сегодня торопиться уже некуда.

Игорь не курил. Он сидел рядом и смотрел, как на светлом еще небе зажигаются первые звезды.

— Ты думаешь, наверное, что у нас тут всегда пир горой, — сказал Еркебулан. — Да? Думаешь, что у нас

тут еды невпроворот? Что мы барана каждый день режем?

Игорь понял, что на эти вопросы отвечать не нужно, и ждал следующих слов.

— Не-е-ет! — Еркебулан потряс сигаретой, будто указательным пальцем. — Нет. Просто ты — гость. И тебе на стол все самое лучшее подадут. Не потому, что ты журналист или еще что. Просто гость. Водка, лимонад, конфеты — это все не так-то просто здесь достать. Да и дорого. Знаешь, сколько раз в год у нас дети конфеты едят?

Игорь не знал.

— Два, — сказал Еркебулан и для пущей ясности сделал рожки из пальцев. — Два. На Новый год и на день рождения. А еще — когда можно, как сегодня, со стола стащить парочку.

Он затыкнулся, вздохнул:

— Ничего ты не понимаешь.

Игорь не нашелся что сказать.

— Не место здесь детям, — подумав, продолжил Еркебулан. — И не в конфетах дело. Вот у меня двое. Таиру десять, Айдару шесть. Чему они тут в ауле научатся? У нас и сейчас школа — не школа. Три парты, один учитель. А что дальше? Этих не знаю, как растить, а тут и еще один. Эттеген-ай!*

— Еще один? — медленно соображая, спросил Игорь.

— Да. Бану сегодня утром огорошила, — тихо, сквозь зубы сказал Еркебулан. — Еще один будет. Не знаю, Игорек, не знаю. И в город переезжать не хочу. Кому мы там

* Досадно!

нужны? Будут коситься. С аула, мол, понаехали. Опять жилье искать, работу. Здесь хоть дом есть. Да толку с дома! Машина у меня сломалась две недели назад. Есть у нас тут один парень, Берик, хорошо в машинах понимает. Посмотрел, говорит, детали нужны. Детали где? В городе. Вот уже две недели на автобусе в город езжу. Нет деталей, заказывать пришлось. Жду. Жду и молюсь, чтобы это время без машины протянуть. А как мне без машины? А вдруг, не дай Аллах, в больницу нужно? А мясо на базар как везти? Эх!

Еркебулан смял окурочек и бросил в ведро. Запрокинул голову, выпрямился.

— Хорошо здесь, правда? — глянул на Игоря искоса. — Хорошо, воздух сладкий, птицы поют. Хочешь — в речке купайся, рыбу лови. Все свое. Только жизни для человека нет. Человеку ведь, чтоб что-то сделать, энергия нужна. Это Кудайберген, мулла наш, все время повторяет. А энергия только от веры может быть. Иначе откуда? Ну то есть не обязательно от веры в Аллаха, но хотя бы от веры в то, что труд не напрасен. Это вот как у Аскаррика, у братишки моего, дом. Раз вы приятели, то ты, наверное, у него в гостях бывал, да?

— Да, конечно, — кивнул Игорь.

— Ну, значит, помнишь, что у него рядом с домом развязку построили? Пять лет строили и все никак не могли решить: сносить дом Аскаррика или нет. Сколько раз мне Аскаррик жаловался: стояки проржавели, нужно менять, крышу перекрыть пора, а по-хорошему и второй этаж построить, а то дети растут. Но ничего сделать не может. Какой смысл, если завтра все могут снести?

— Ну да, — сказал Игорь. — Я как-то дерево у себя в палисаднике посадил. Думал, что хорошее дело для всего двора сделал. А через год приехали городские службы, часть деревьев во дворе срубили, а мое дерево типа случайно трактором раздавили. Я с тех пор ничего не сажаю.

— Да и я о том же. Я не забухал, слава Аллаху, потому что в город надеюсь перебраться. Но если б не это — тоже, наверное, руки опустились бы. Я ж понимаю, что строить дом на тонущем острове смысла нет. Веры нет в смысл такого дела. Потому и энергии нет. А без энергии нет и жизни в человеке. Вот и умирает аул. Ладно, не бери в голову. Как-то жили ведь раньше. Пойдем-ка в дом.

Спал Игорь тревожно. Ночью еще вчера уютный дом вдруг стал чужим. Тусклый уличный свет проникал в комнату, по стенам метались серые тени качающихся ветвей деревьев. Из щели в полу вылез паук и подполз прямо к лицу Игоря. Он хлопнул по нему ладонью, но не попал. За окном вспыхнула молния, а через несколько секунд небо глухо взорвалось и обрушилось на окна дождем. То ли от страха, то ли от воды из всех щелей вдруг полезли насекомые и стали забираться к Игорю под одеяло. Он перепугался, хотел вскочить, заорать, но обнаружил, что забыл, как шевелиться. Его тело выросло, потяжелело, прилипло к полу. Насекомые ползали вокруг, касались его своими усиками и крыльшками. Игорь с ужасом ждал, что сейчас они поползут и по нему, но они медлили, как будто ждали сигнала, а его все не было. Рядом с ним села Дина, погладила его по голове. Глаза у нее были большие, золотистые. Они расплывались все шире и шире, а потом слились в один

глаз. «Уведи меня отсюда», — попросил Игорь, но голос его не зазвучал. Глаз лопнул, и из него потекла вода. Она лилась прямо на лицо Игоря, и он принялся жадно пить. Напор становился сильнее. Игорь почувствовал, что захлебывается. «Не бери в голову, — прозвучал голос внутри него. — Не бери это в голову». И словно по команде полчища насекомых бросились на его лицо, заполняя в уши, глаза, рот, ноздри.

Игорь проснулся весь в поту. Простыня, одеяло, трусы — все было мокрым насквозь. Голова пылала. Во рту ощущался кислый похмельный вкус. Он вылез из постели, но тут же замерз. Схватил корпешку из стопки в углу, завернулся в нее и встал у окна. Ни молний, ни ветра уже не было, только крепкий ровный дождь. Стоять оказалось тяжело, колени дрожали. Игорь не полез в мокрую постель, а сел на пол в углу, еще плотнее укутавшись в одеяло, и почти сразу уснул.

* * *

— Игорек, ты живой?

Игорь приоткрыл глаза и увидел Еркебулана, присевшего на корточки возле него.

— Ладно, сейчас принесу опохмелиться, — пообещал Еркебулан. — Никуда не уходи, — и засмеялся.

Он вернулся с двумя бутылками пива. Открыл их зубами и протянул одну Игорю. Игорь жадно глотнул. Холодное пиво резануло горло, но приятно спустилось в желудок.

— Ну вот, другое дело, — произнес Еркебулан, тоже прилично отхлебнув. — Ладно, время позднее. Пацаны

мои уже позавтракали. Пойдем тоже пожрем, и я в город поеду. Ты сегодня сам по себе.

Они ели лепешки с медом, запивая айраном. Бану хмурилась. Подливала чай, накрывала на стол, но не разговаривала. У Игоря не было сил спросить, что случилось, да он и так все понимал без слов.

После вышли во двор.

— Я вернусь до вечера, — сообщил Еркебулан. — К Имангалиевым вместе пойдем, как и обещал. А ты пока можешь погулять. К речке сходи. Если хочешь, загляни к Валере. Двадцать седьмой дом, прямо по улице. Он вчера звал. В общем, отдыхай. В пять встретимся здесь же, лады?

— Да, — кивнул Игорь.

Еркебулан ушел, а Игорь еще долго стоял и тупо смотрел на дорогу. Мыслей не было, только звенела, как пустой казан, голова. Мимо него прошла старуха, ведя на веревочке грязного, с репьями, запутавшимися в шерсти, барана.

Игорь пошел следом. Потом свернул, увидев знакомую колонку. Как и вчера, долго умывался, пил, пока не наполнился доверху. Двинулся дальше, бесцельно, наугад. На дороге, впереди, поднимая пыль, боролись двое голых по пояс парней. Худые, но крепкие, они по-петушиному насакивали друг на друга, сцеплялись в заковыристой позе, а потом отлетали в разные стороны, успевая напоследок поддать противнику кулаком или ногой. Игорь не мог понять, дерутся ли они в шутку или по правде, и решил свернуть в проулок от греха подальше. Это, собственно, и проулком можно было назвать с трудом. Узкая каменистая тропинка,

вытоптанная трава, заборы по обе стороны. Игорь шел, пока не уткнулся в стену дома. Тупик. Пришлось возвращаться. Парни уже не дрались, а устало сидели на обочине, тихо переговариваясь. Увидев Игоря, они удивленно замолчали. Когда Игорь проходил мимо, один крикнул:

— Эй, темек бар ма?*

— Жоқ**, — ответил Игорь, стараясь глядеть в сторону. Он и вправду не курил.

Вскоре он вышел на перекресток. Подумав, оглядевшись, повернул налево, почему-то решив, что река там. И не ошибся. Деревня закончилась. Вдоль дороги рос низкий колючий кустарник. В сухой траве шуршали стремительные серые ящерицы, напуганные его шагами. Блеснула вода, и Игорь пошел к ней напрямик, раздвигая кусты, разгоняя глазастых кузнечиков. Здесь, у реки, было прохладнее. Игорь сначала хотел искупаться, но теперь передумал. От влажного речного ветерка его снова стало морозить. Он прошелся по берегу, нашел ровное сухое местечко и улегся прямо на теплой земле, подставив лицо солнцу. Голова болела уже меньше, чем утром. Где-то совсем рядом вскрикнула птица. Голос был Игорю незнакомый. Высокий, хрипловатый. «Хди. Х-х-х-хди». Он поискал птицу глазами, но не нашел. Солнце пекло. Игорь подумал, что может случайно уснуть и сгореть. Лицо уже стягивало. Он нехотя встал и отошел в тень невысокого карагача. Опустился, привалившись спиной к стволу, и долго сидел

* Эй, сигареты есть?

** Нет.

так — без мыслей, без эмоций, глядя на воду и на листья над головой.

Очнувшись, понял, что проголодался. От долгого сидения ноги затекли. С трудом согнув колени, Игорь помассировал икры. Побежала колючая кровь. Держась за дерево, охая по-стариковски, Игорь поднялся и поплелся обратно в деревню. Он решил зайти к Валере. Вспомнил: дом двадцать семь. Дом нашел быстро. Заперто. Постучался в калитку, но ответила только собака.

Игорь решил погулять, а потом попробовать еще раз. Все равно идти ему было некуда. Он пошел в сторону дома Имангалиевых по знакомой дороге.

— Эй! Игорьь, постойте!

Игорь обернулся и увидел женщину с ведрами. Солнце светило прямо ему в глаза и не давало разглядеть ее лицо. Женщина шла, мелко перебирая ногами, ведра явно были тяжелыми.

— Алуа! — воскликнул Игорь и кинулся ей навстречу. — Давайте я вам помогу.

— Нет-нет-нет, не нужно, — замотала головой Алуа, тяжело дыша. — Тут уже рядом. Пойдемте, я вас свежим молоком напою.

Игорь ведра все-таки забрал, правда, сразу же в глубине души пожалел об этом.

— Что у вас тут, жидкий свинец? — спросил он, с трудом удерживая равновесие.

— Сами напросились, — засмеялась Алуа. — Вон уже мой дом.

Содержание

КРЫЛАТАЯ НЕВЕСТА МАХДИ.....	5
СНЕГ В ПАУТИНЕ.....	77
ОВЦА.....	175